

ГЛАВА I

ВЛАСТЬ: ПОЗИЦИЯ ВИДЕНИЯ

Эта книга представляет собой попытку проанализировать и осмыслить то, как складывалось и функционировало (функционирует) в России *пространство власти*.

Поэтому прежде всего следовало бы определить, что автор понимает под *пространством* вообще и *пространством власти* в частности, тем более, что употребление этих понятий (в особенности первого), как, впрочем, и большинства философских понятий, весьма многообразно.

1. Власть как пространство власти

Понимание пространства

Примем за точку отсчета то, что Ф.Ницше говорил о *пространстве внешнем* и *пространстве внутреннем*; внешнее пространство составляют социальные и политические структуры, климат, семья и т.п.; внутренне пространство — это некоторая сфера духовной жизни человека (язык, сознание, болезнь и т.д.)¹.

В контексте размышлений Ницше пространство власти — это, естественно, нечто, относящееся к пространству внешнему. Ведь внешнее пространство — это прежде всего чувственно воспринимаемая реальность, некие ландшафты, некие территории, имеющие реальную протяженность, и вообще все и всяческие формы “бытия” земной поверхности (суша, мировой океан, лед, горные хребты и т.д. и т.п.).

Однако внешнее пространство не сводится к чувственно воспринимаемой географической, физической и прочей грубо материальной реальности. Подобное понимание пространства — а именно презумпция того, что пространство не сводится к чувственно воспринимаемому пространству,

к пространству географическому, физическому и т.п., — лежит в рамках определенной философской традиции.

В частности, еще М.Хайдеггер искал ответ на вопрос:

«Можно ли все-таки расценивать физически-технически выбранное пространство, каким бы последующим определением оно ни подвергалось, как единственное истинное пространство? Неужели в сравнении с ним все иначе устроенные пространства, художественное пространство, пространство повседневного поведения и общения — это лишь субъективно обусловленные частичные и видоизмененные формы единого объективного космического пространства?»².

Иными словами, может ли то, что здесь названо физически-техническим пространством, считаться тем пространством, к которому должна быть заранее привязана всякая характеристика пространственного?

Для обнаружения того, что Хайдеггер называет собственным существом пространства, немецкий философ призывает прислушаться к языку, проанализировать этимологию самого этого слова. В слове “пространство” как бы заключено понятие “простор”. А это, полагает Хайдеггер, значит нечто просторное, свободное от преград:

«Простор несет с собой свободу, открытость для человеческого поселения и обитания»³.

С этим трудно не согласиться: действительно, абстрактный простор, вообще-простор, простор, не превращенный пока в нечто иное в процессе технологической стратификации, — открыт и содержит в себе неограниченный потенциал свободы. И чем ближе это пространство к природному “физическому” состоянию, тем более у нас оснований говорить об открытости и свободе. Но как проявляет себя пространство, являющееся потенциальным пространством свободы, в условиях преобразования его властью? Каковы пределы тех усилий, которые необходимы власти, чтобы подчинить, стратифицировать это пространство? Означает ли имманентная устремленность пространства в бесконечность, к безграничному простору, что чем больше потенци-

6

ал свободы, заложенный в пространстве, тем выше та мера насилия и несвободы, которую использует власть, преобразовывая это пространство? И что пространство, устремленное в бесконечность свободы, неизбежно порождает пространство власти, воспроизводящее самое себя и мыслящее себя в категориях бесконечности и вечности своего существования?

История России предоставляет нам немало возможностей поразмышлять над этими и аналогичными вопросами. Однако, как мне кажется, в любом случае едва ли возможно отрицать то, что пространство может быть открыто не только для явления бога (Хайдеггер), но и для амбиций власти, для безграничного насилия, террора, который также может не иметь преград.

Впрочем, Хайдеггер пишет:

«Простор, продуманный до его собственного существования, есть высвобождение мест, где судьбы поселяющегося тут человека повертываются или к целостности родины, или к гибельной безродности, или уже к равнодушию перед лицом обеих»⁴.

Будем исходить из того, что существует пространство физическое (географическое, космическое и т.п.), пространство — используем термин Хайдеггера — повседневного общения (возможно, имеет смысл говорить о пространстве гражданского общества) и в то же время пространство принуждения, несвободы, *пространство власти*.

Иными словами, под *пространством власти* я понимаю географическое и социальное пространство, организованное, структурированное, стратифицированное определенной исторически сложившейся совокупностью властных технологий.

Подобное разграничение, предполагающее, в частности, различие *территории* и *пространства*, или, другими словами, физически-технической (используем термин Хайдеггера) данности и пространства как сферы разного рода “социальных” взаимоотношений и положено в основу анализа российского *пространства власти* как специфическо-

го типа “социального” пространства, создающего и воспроизводящего многочисленные ряды географических, “социальных”, идеографических и иных образов власти.

Кроме того, необходимо дифференцировать *географическое пространство* (то есть прежде всего территорию со всеми присущими ей физико-географическими атрибутами), *пространство власти* (определенным образом стратифицированное реальное географическое пространство) и *технологическую структуру* (систему отношений власти и прежде всего властных технологий, стратифицирующую географическое и “социальное” пространство). (О технологиях власти более подробно будет сказано в следующем разделе книги.)

Еще раз отмечу: когда в книге речь идет о пространстве, имеется в виду не *территория* как некая чисто географическая реальность и даже не совокупность разного рода физических поверхностей Земли, а именно *пространство* как синтетическое философское понятие; в этом смысле пространство власти охватывает, поглощает и территорию в общеупотребительном смысле слова (т.е. *поверхность суши*), и мировой океан, и то, что “*простирается*” под землей (метро, шахты, подземные заводы, уходя дальше в толщу истории, — “глубины сибирских руд”, поглотившие декабристов и т.д.). Скажем, московское метро с самого начала было не только видом общественного транспорта, но и символом могущества определенного типа власти, как и система противоатомных туннелей, которая строилась на Кубе в 90-е годы и была предназначена не для выполнения своего функционального назначения (едва ли Кастро в те годы ожидал ядерного удара со стороны США), а для консолидации власти, воспроизведения в разных формах техноструктур, позволяющих контролировать население страны.

Равным образом пространством власти является пространство *над-земное*; существует масса примеров того, как власть пыталась сделать и делала “небо” своей территорией, от трагически закончившегося запуска стратостата в дни XVII съезда партии до разработки межконтинентальных бал-

листических ракет, покорения космоса и драматического эпизода с южнокорейским самолетом, оказавшимся 1 сентября 1983 года в воздушном пространстве СССР.

Разумеется, и мировой океан структурируется как пространство власти. Причем с появлением подводных лодок и особенно атомных подводных лодок пространством власти становится и скрытая от нас часть мирового океана. Вспоминая известный всем с детства роман Жюль Верна “20 тысяч лье под водой”, капитана Немо и его “Наутилус”, можно сказать, что эта вещь написана о бегстве из пространства власти в стихию, к моменту написания романа еще не сублимированную при помощи технологий власти (эта мысль достаточно определенно высказана главным героем), а также о том, что власть подчиняет себе и контролирует все жизненное пространство людей, и выход из-под действия технологий власти означает одновременно выход за рамки этого традиционного жизненного пространства, прежде всего *пространства-территории* в какое-то иное измерение, где человек существовать не может — и поэтому капитан Немо обречен.

Иными словами, с того момента, когда подводное пространство становится средой, где человек в состоянии подолгу находиться и выживать, оно ставится под контроль технологий власти; и наоборот — подводное пространство становится сферой, где человек может существовать и выживать, только тогда, когда оно, это пространство, становится объектом экспансии власти и присущих ей технологий. Реально это происходит с началом первой мировой войны; процесс обретает новое качество в годы “холодной войны” в связи с соперничеством ядерных держав: с точки зрения скрытности и мобильности подлодка как носитель ядерного оружия не имеет себе равных. И только это жесткое соперничество приводит к тому, что экипажи подлодок находятся под водой в течении нескольких месяцев.

Все эти сегменты пространства власти входят в него как бы на равных основаниях, поскольку пронизаны однотипными технологиями властвования.

Власть стремится подчинить себе, стратифицировать все природные и географические среды и стихии, еще не подчиненные ей; она стремится полностью контролировать все жизненное пространство людей. Приращение пространства власти за счет нетрадиционных (для обитания человека) регионов земного шара (скажем, Антарктиды) и сред обитания (мировой океан, воздушное и космическое пространство, подземные сооружения) не только имеет прямые и очевидные цели экспансии власти именно в этих сферах и средах (вроде размещения в космосе и мировом океане новых видов оружия) или связано с амбициями власти, символическими структурами, но и создает условия для формирования новых и совершенствования старых идеологий и технологий власти в пределах географического пространства.

Однако власть способна не только структурировать и переструктурировать пространство, превращать девственную территорию в пространство власти, но и обращать это последнее в *мертвое пространство*. Мертвое пространство — это то, что осталось после катастроф в Карачае (завод “Маяк”) и Чернобыле, то, что ушло под воду после сооружения мощных ГЭС на равнинных реках России. Еще более типичная картина — омертвление географического пространства, *сопротивляющегося* насилию власти.

Власть получает пространство нетронутым (как писал Чехов о сибирской тайге: “все это принадлежит только Богу”), присваивает его, стратифицирует и оставляет — мертвым.

Широко известно, что во время вьетнамской войны авиация США распыляла над территорией страны ядохимикаты, дефолианты, диоксины и т.д., чтобы подорвать продовольственные ресурсы скрывавшихся в сельской местности партизан и, уничтожив листву, сделать джунгли прозрачными. Это программа осуществлялась около десяти лет и привела к тяжким генетическим нарушениям и болезням детей в пораженных районах, проявляющимся и спустя два десятилетия после окончания войны.

Иракский диктатор Саддам Хусейн, пытаясь сломить сопротивление так называемых миаданов, “болотных арабов”, населявших заболоченные равнины южной части современного Ирака и по многим направлениям противостоящим политике Багдада, блокировал район их проживания плотным армейским кольцом и приступил к сооружению четырех магистральных каналов и нескольких десятков дамб для осушения тростниковых зарослей. Это помимо всего прочего должно обеспечить доступ иракским танкам к укреплениям мятежников. Параллельно ядохимикатами уничтожается флора и фауна болот. Все это повлекло за собой трагические для населения изменения экологической ситуации в регионе, острые проблемы с питьевой водой, голод, стремительный рост эпидемий и т.п.

Власть не ставит под сомнение собственное право на превращение пространства, населенного живыми людьми и являющегося между прочим материальной основой бытия самой власти, в мертвое пространство. В этом смысле власть демонстративно безответственна, ибо она не несет ответственности не только перед *теми-кто-под-властью*, но и перед своими собственными основаниями. Подобная безответственность власти была ненаказуема и распространялась и на уничтожение людей (геноцид, депортации и т.п.), и на уничтожение природной среды. В известном смысле движение власти в пространстве — это превращение *территории* в *мертвое пространство*, — во всяком случае, это верно для *тоталитарной* власти⁵.

Измерения пространства: гео-графия и социография

Пространства власти формируются как на основе естественных, природных структур, так и на основе структур искусственного происхождения, не существующих помимо человека, созданных им.

Естественное географическое пространство, стратифицированное властью, — это один тип пространства. Не-при-

родное, “искусственное”, “социальное” пространство, стратифицированное властью и превращенное в пространство власти, — это иной тип. Если макропространство власти создается преобразованием, стратификацией географического, естественного, природного пространства, то микрокосмы власти создаются посредством стратификации пространств социальной жизни.

Космос, макрокосм власти — это глобальное географическое пространство, стратифицированное властью, “схваченное”, скрепленное определенной системой однородных, имеющих общий генезис технологий. На основе подобной макрокосмической технотрактуры вырастает соответствующая система политических и социальных институтов, наиболее глобальным из которых является государство. В известном смысле это институциональная система может рассматриваться как своеобразная надстройка над системой технологий власти, необходимая для того, чтобы контролировать ее действие. Мы замечаем действие власти прежде всего на этом, институциональном уровне потому, что привыкли считать: власть — это власть *политическая*, хотя политическая власть — это в лучшем случае один из ликов, одна из масок Власти.

Власть, кстати, вполне отчетливо ощущает, где заканчивается пространство природное и начинается пространство социальное. Скажем, в России переименовывали города, но не переименовывали реки. Почему? Можно предположить, что таким образом проявилось некое инстинктивное уважение нерукотворному, созданному самой природой... Иными словами, если географическое пространство порой рассматривается властью как нечто достойное уважения, как своего рода достойный соперник, то социальное пространство априори воспринимается как собственность.

Анализ технологической структуры, пронизывающей реальное физическое пространство, территорию, то есть технотрактуры, модификации которой связаны с особенностями ландшафта, спецификой наличных природных

ресурсов (на Руси, например, издревле было много леса и не было камня) и т. п., позволяет обнаружить и описать *гео-графические* образы власти (дефис в данном случае указывает на то, что слово употребляется в существенно ином значении, нежели традиционные понятия: *география, географический*).

Но власть овладевает также определенного рода “базисными” структурами, *микрокосмами* власти. Каждый из подобного рода микрокосмов находится на пересечении многих властных технологий.

Описание технологической структуры микросоциума, социального микропространства, этой мельчайшей клеточки глобальной технотрактуры; или же описание технологически организованного локального, фрагментарного пространства (я буду называть его *локусом*), которое по своим размерам и протяженности может быть соотнесено со сферой жизнедеятельности отдельного человека, охватывающего всю совокупность микрокосмов, в которые этот отдельный человек включен, “встроен”; или описание технотрактуры глобального пространства, взятого вне и независимо от его физических характеристик, я буду связывать с понятием *социография*.

Микрокосм — это структура, в которой локализована какая-то часть жизни человека; сфера жизнедеятельности одного отдельно взятого человека целиком, *локус* — это, как правило, несколько микрокосмов, локализованных в одном месте, в одной точке пространства. *Макрокосм* — это то, что простирается за горизонт естественного чувственного восприятия индивидуального человека.

Микрокосм — это часть пространства власти, где может быть управлен и контролируем отдельный, поименованный индивид. Только в микрокосме возможен контроль отдельного *конкретного* человека. Классный надзиратель замечает, что именно гимназист Александр Блок, а не кто-то другой, прогуливался с тросточкой по близлежащему бульвару, надев ранец не за спину, а на одно плечо. Все прочие фланирующие обыватели этого агента контроля не ин-

тересуют, даже если извозчик или купец будут призывать к низложению государя императора.

Локус — это пространство, где контролируются группы людей и отдельные лица, но уже не как конкретные, поименованные индивиды, известные контролеру и являющиеся предметом его избирательного внимания, а как *вообще-индивиды*, и представляют интерес они прежде всего в связи с их ситуативным отношением к данному сектору пространства власти.

Контроль локального пространства предполагает контроль *любого* индивида, находящегося в пределах или проходящего через это пространство. “Уши власти” улавливают разговоры, невзирая на то, *кто* говорит. Важно *что, о чем и где*.

В практическом или, если хотите, в конкретно-историческом измерении эти пространства как бы сливаются, слипаются, но аналитически они вполне различимы.

Наконец, еще одно, заключительное, замечание. Полагая продуктивными презумпции некоторых столпов современного структурализма, в частности мысль о том, что для постижения определенного рода реальностей целесообразно *отвлечься* от субъекта — этого “несносного баловня” (Леви-Строс), который слишком долго требовал к себе исключительного внимания⁶, автор все-таки предпочел бы идти не по пути “отречения от философии”, то есть использования структуралистских методов анализа для конкретно-научных исследований или же рассмотрения структуры и структурных закономерностей как внесодержательных знаковых и классификационных систем.

Технологические структуры интересуют меня не как некие внесодержательные общие формы, а как реальность, выявление которой, превращение которой из реальности скрытой в реальность де-маскированную позволяет нам продвинуться в понимании исторического процесса в России, и именно содержания, наполнения этого процесса. Хотелось бы, во всяком случае на более поздних стадиях исследова-